

ПРЕМЬЕРА

Лепестки сакуры над Сталинградом

Действие фильма «Сталинград» Федора Бондарчука, как в «Титанике», обрамлено современной историей: пожилой эмчэсник, спасающий людей в аварии на «Фукусиме» в Японии, поддерживает дух попавших в завалы немецких туристов рассказом о Сталинграде, где осенью 1942 года его мать повстречала его отца.

И потом, когда мы увидим разбомбленный, пылающий, словно в аду, город-остров, лепестки сакуры, увеличенные очками 3D, будут плавать перед нами на расстоянии вытянутой руки. Я не люблю смотреть фильмы с этим эффектом, но главное открытие нового «Сталинграда» именно в этом.

Понравилась или не понравилась вам картина, а сторонников у нее, похоже, немало — не зря фильм выдвинут на «Оскар» в номинации «Лучший иностранный фильм», ваше внутреннее зрение надолго сохранит и падающий в метре от вас пылающий и разваливающийся на куски истребитель, и лавину наших солдат, горящих заживо. Людей-факалов, продолжающих штурмовать окопы, и гипсовых пионеров с пробитыми пулями ногами, весело водящих хоровод в центре декораций, выстроенных в питейском павильоне. Все выпукло, выразительно, завораживающе, ничуть не хуже, чем в мировых блокбастерах с летающими над горами драконами и прочими мифологическими героями.

Но мой 20-летний спутник, в компании которого я смотрела кино в полупустом зале, на 15-й минуте просмотра, когда обнаружились все завязки,

сказал: «Туфта. Драмы нет». Заметьте, не ветеран сказал, а зритель, на 3D-кино воспитанный и его обожающий, для которого, утверждает режиссер, и снят «Сталинград». Собственно, самой войны и того, что происходит в этой мясорубке, нареченной потом «коренным переломом во Второй мировой войне», вы не увидите, кадрами с людьми-факалами, истребителями, время от времени возникающими бомбежками да открыто вставшим номером с сожжением заживо еврейской «тети Риммы» с ребенком показ войны ограничится, и если бы не закадровый рассказ эмчэсника

Говорят, есть ветераны, которым кино нравится. Слава Богу, что мой отец, ушедший в 2005-м, не увидел этот «Сталинград»

(Федор Бондарчук), с трудом можно было понять, где все происходит. По сюжету, пятеро разведчиков во главе с капитаном Грозовым (Петр Федоров из «Обитаемого острова»), отбивших дом на окраине Сталинграда, у Волги, во что бы то ни стало должны его удержать.

Среди них, пойдем только в конце фильма, будет и будущий отец эмчэсника (Сергей Бон-

дарчук, тезка великого деда). А его будущую маму (чудная Мария Смольникова) бойцы обнаружат в одной из обвалившихся квартир дома. 18-летняя Катя здесь живет. В доме напротив — штаб гитлеровцев, пожираемых вшами красавцев и интеллиген-

парикмахером кудрями (Яна Студилина), которая вначале вынуждена покоряться врагу, а потом, похоже, влюбляется в Петю. В нашем стане — любовный хоровод вокруг Кати. Все бойцы, включая командира, влюблены в нее и опекают до такой степени, что в финале, в день ее 19-летия, дарят ей не только кусочек мыла, но и ванну с горячей водой.

Скажем сразу, сексуальных сцен в фильме нет, но навязчивое стремление режиссера уstrarивать некие хороводы вокруг женщин, возводя их в ранг возвышенных райских кущ, — вспомните, вокруг кого хороводились парни, отправляющиеся в Афганистан, в «9-й роте» — умилился. В этом есть двусмысленность и неправда, которые звучат и в странной фразе эмчэсника: «Мама мне всегда говорила, что у меня пять отцов...»

Вы что подумали? А нужно бы-

ло — о жизнях, отданных за счастье жить нашим поколениям. Но как бы ни были прекрасны наши бойцы-герои, истинным героем фильма становится Питер Кани, страстно посылающий свои проклятия войне вообще. Этим самым режиссер вызывает к нашей толерантности, терпимости и способности прощать врагов своих.

Мы-то простили, но с таким ли посылом должен выходить на экран фильм о Сталинграде во времена замусоливания роли СССР в Победе над «коричневой чумой» XX века?.. Но я совсем не удивился, если эта лента под музыку американского композитора Бадалamenti воодушевит голливудских академиков. Говорят, есть и ветераны, которым кино нравится. Слава Богу, что мой отец, ушедший в 2005-м, не увидел этот «Сталинград».

Нина КАТАЕВА

ПЕРСОНА

Театр — общественная кафедра

В творческой биографии Олега Басилашвили начался новый этап: в Большой драматический театр им. Товстонагова, где он работает уже более полувека, недавно пришел новый художественный руководитель — известный режиссер «новой волны» Андрей Могучий.

Артисты, как это всегда бывает, когда во главе театра встает человек со стороны, пребывают в смятении. «Нас обуревают разные чувства — тревоги, страха, надежды, грусти, радости, от того, что начинается другая для нас жизнь», — сказал Басилашвили на сборе труппы, когда ей представляли нового худрука. — Каждый из нас сделает все возможное, чтобы мы слились с новым руководителем в одно целое. Мы начинаем новый этап — дай бог, чтобы он был счастливым». Сейчас Басилашвили репетирует с Андреем Могучим «Алису в Стране чудес». В спектакле, премьера которого намечена на декабрь, занята и Алиса Фрейндлих, а также артисты старшего и среднего поколения БДТ.

— Последние годы вы много работали в Москве, столичный зритель видел вас в антрепризных постановках. Это было своего рода творческая эмиграция, связанная с тем, что ваш родной БДТ находился не в лучшей форме?

— Я не называю это творческой эмиграцией. Моя работа в антрепризе никак не связана с тем, что я делал и делаю в БДТ.

— Вы свой приход в БДТ хорошо помните?

— Конечно. Это было в 1959 году. Я до этого три года проработал в Ленинградском театре Ленинского комсомола. Сыграл там несколько ролей, в том числе Обломова. В «Ленкоме» была прекрасная атмосфера. И отношения между артистами были хорошие, добрые. Никто никому не завидовал, все друг другу помогали, жили бесечно, весело... А когда по приглашению Георгия Александровича Товстонагова я перешел в БДТ, для меня настали трудные времена. Требования Товстонагова были очень жесткие, на десять порядков жестче, чем в студии Художественного театра, где я учился, и чем в театре Ленинского комсомола. Если ты эти требования не выполняешь — тебе хана. И приходилось себя не то чтобы ломать, но перестраиваться на другое отношение к театру. Это было очень тяжело. У меня даже был момент, когда я хотел уйти из БДТ и уехать обратно в Москву. Но меня удерживало понимание, что такой театр, с таким режиссером так просто не покидают. Мне Товстонагов однажды сказал: «Олег, я чувствую, что вы хотите уйти из театра. Прошу вас не делать этого, вы мне очень нужны».

— Роль в БДТ у вас тогда еще не было?

— Были, но маленькие. Ну что можно сыграть в роли Степана Лукина в «Варварах» (это была моя первая роль в БДТ), когда рядом такие крупные трагические персонажи, как Надежда Монахова, Черкун? У меня всякие были роли. Но серьезного успеха я не имел. Прорыв произошел на спектакле по пьесе Эдварда Радзинского «Еще раз про любовь». Я там играл роль Феликса, тоже небольшую, но трагикомическую. Феликс — человек, который свою внутреннюю растерянность, ощущение неуместности себя в этой жизни прикрывает шутками, прибаутками, нагужным остроумием...

— Это был первый ваш успех на сцене БДТ?

— Да, наверное, первый. И хотя

я уже десять лет был актером БДТ, лишь после этой роли попал в обиход артистов, которые нужны театру. Потом я играл Андрея Прозорова в «Трех сестрах». Георгий Александрович находит парадоксальные вещи в моей роли и предлагал это сыграть. Например, у Чехова написано, что Соленый грозит убить Тузенбаха. Потом он уходит, появляется Андрей Прозоров и разражается своим монологом. А Товстонагов свел нас вместе. Я говорю: «Георгий Александрович, где тут логика? Ведь если Соленый при Андрее говорит, что идет убивать Тузенбаха, то Андрей должен отправиться к полковнику Вершинину, рассказать ему о намерении Соленого и предотвратить убийство». Георгий Александрович ответил: «Как раз в этом вся суть трагедии русской интеллигенции. Вместо действия она уходит в философию. Вот вы смотрите на человека, который сейчас идет убивать вашего ближайшего друга Тузенбаха. И думаете: «Сейчас умрет Тузенбах... Вот так поубивают всех нас. Боже мой, как же дико живет Россия!» Вместо того чтобы совершить конкретное действие, вы занимаетесь тем, что сидите и философствуете о бедах России».

Действительно, мы чаще всего только говорим, а действовать не способны. Может быть, именно в этом трагедия русской интеллигенции.

— Вас когда-нибудь снимали с роли?

— Нет, этого не было. Но в непростых ситуациях в процессе репетиций мне попадать приходилось. Так было, например, когда я репетировал Хлестакова, а в очередь со мной эти же роль репетировал Олег Борисов. И вот, представьте, сегодня я репетирую, нахожу какие-то важные вещи, назавтра выходит Борисов и закрепляет найденное. Что-то убирает, что-то улучшает. И так день за днем, в течение нескольких месяцев. Надо ли говорить, что мы оба нервничали. Такая двусмысленность ни его, ни меня не устраивала. Когда приближалась премьера, я пошел к Товстонагову и сказал: «Георгий Александрович, я не против того, чтобы эту роль играл Олег Борисов, он замечательный артист. Никаких претензий ни к нему, ни к вам у меня нет. Но и Олегу Ивановичу, и мне безумно тяжело репетировать. Потому что мы только тем и занимаемся, что стараемся показать вам, кто из нас лучше. Ситуация ненормальная. Вы просто наносите нам травму, и спектаклю это тоже на пользу не идет. Поэтому решайте. Сыграет Борисов — я буду очень рад. Сыграю я — буду счастлив не менее. Но должен остаться кто-то один из нас».

Товстонагов сказал: «Я подумаю». И через две недели оставил меня одного на этой роли. Что Олегом Ивановичем было истолковано так, будто я ходил и просил, чтобы его сняли с роли. Это абсолютная неправда. Я не просил, чтобы снимали Борисова. Я сказал Товстонагову только то, что сейчас говорю вам. И считаю, что мой поступок нельзя назвать неблагоприятным.

— На что вы готовы ради успеха, а на что — нет?

— Я не знаю.

— Никогда не задавали себе этот вопрос?

— Не задавал. Наверное, не было повода. Ну могу сказать, что ради успеха я, наверное, никогда не совершал подлых поступков. Вообще, успех — понятие расплывчатое. Иной раз трудно понять, где успех, а где неуспех. Бывает безусловный успех. Вот Андрей Прозоров — это был безусловный успех.

— Андрей Бузыкин, сыгранный вами в «Осеннем марафоне», — хорошо узнаваемый социальный типаж советской эпохи. Вы можете сказать: «Бузыкин — это я»?

— Думаю, в каждом из нас есть что-то от Бузыкина. Не в том смысле, что приходится мучительно выбирать между женой и любовницей. Человек всегда стоит перед выбором. В любую эпоху. Возьмем Бузыкина. Это типичный сколок советского человека, которому и хочется, и колется, и мама не велит. Он теряет себя, потому что все время идет на компромисс. Вот он решает: не подам руки подонку. Но тот подводит: «Здорово, Бузыкин!» И Бузыкин тянет руку. Не подать руку — это же неприлично. И вот такие мелкие-мелкие шажки приводят человека к полной нивелировке. Он становится ничем. Значит, надо в стране создавать такие условия, которые бы позволяли человеку быть самим собой.

— Если бы сегодня пришлось что-то выбрать заново, каких ошибок вы бы не совершили?

— Трудно ответить. Ну, допустим, я бы не уехал из Москвы. Но если бы я не уехал из Москвы, у меня не было бы БДТ, не было бы в моей жизни Товстонагова. И кем бы я тогда стал, тоже неизвестно. Потому что в моей актерской судьбе Георгий Александрович сыграл колоссальную роль. И не только в актерской. Тот шаг, который я предпринял, выплывавшись с Покровки, дом 11, был, наверное, судьбой мне предопределен. Хотя потом меня всю жизнь тянуло в Москву, на Покровку, на дачу в Хотьково. Меня несколько раз приглашали к себе в театр очень хорошие московские режиссеры. Это было в тот период, когда Георгий Александрович уже мало работал, его одолевала старость, мучили болезни... И мне казалось, что если я уйду из БДТ, это будет предательством.

— Больше не приглашают?

— Нет. Ну нельзя же каждый день приглашать. К тому же мне через год стукнет восемьдесят... **— А на одну роль в какой-нибудь театр, ну, скажем, в МХТ пошли бы?**

— Какая мне разница, в МХТ играть или в родном БДТ. Режиссеры те же. Да и проваливаться лучше в БДТ, чем в МХТ. Вообще, российский театр переживает сейчас очень трудный период. Театр потерял то значение, которое имел в советские времена. Тогда это была единственная трибуна, с которой можно было не столько даже услышать, сколько почувствовать нечто созвучное твоему пониманию происходящего. Я не говорю о Театре на Таганке, это особая статья. Но вот, к примеру, шло в БДТ «Горе от ума». И всем было ясно, о чем этот спектакль. О том, что даже во времена хрущевской «оттепели» невозможно быть умным человеком. Надо быть таким, как все. А сегодня театр как общественная кафедра перестал существовать. И это печально. Ведь главное предназначение театра — воспитывать чувства, приобщать зрителя к подлинным общечеловеческим ценностям.

Беседовал

Валерий ВЫЖУТОВИЧ

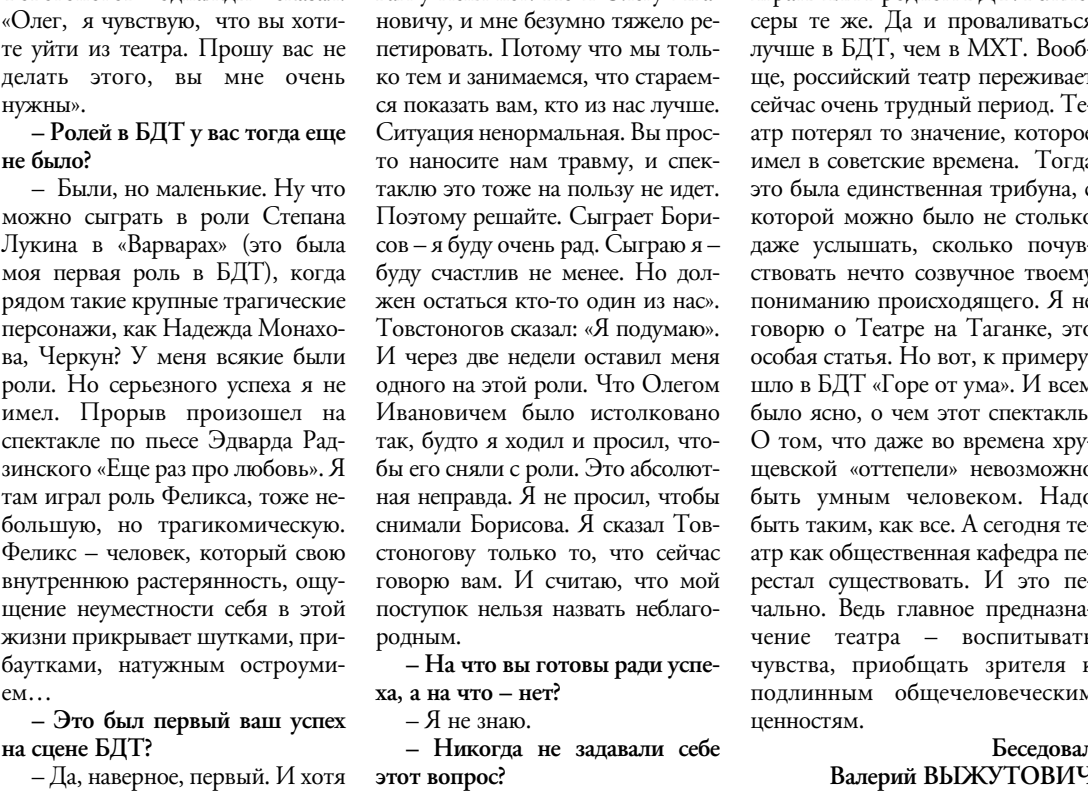
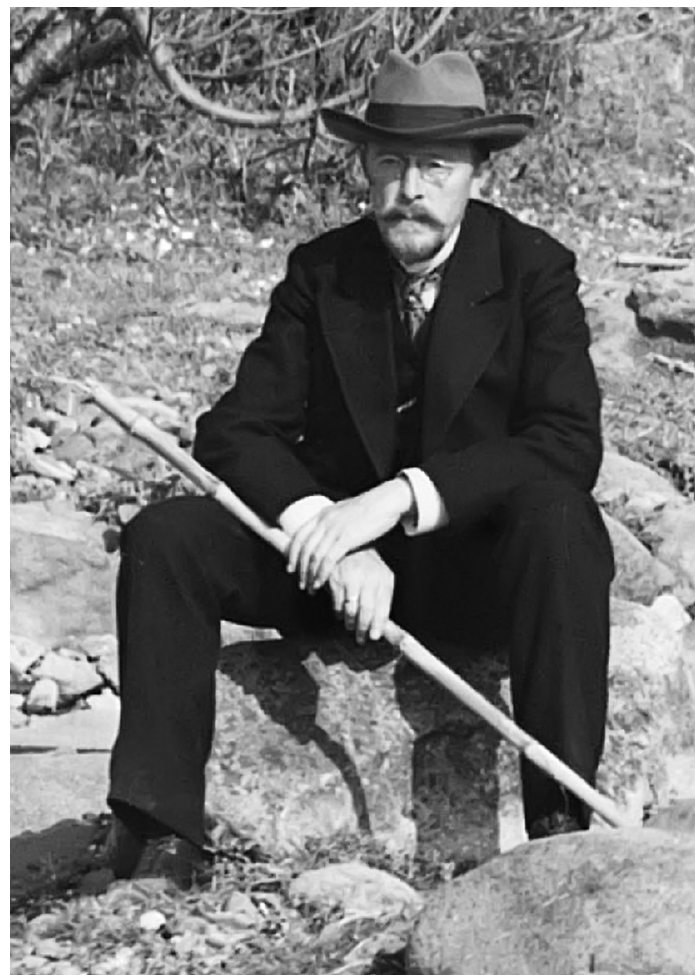

ФОТО ВИКТОРИЙ ГАМЗИН/ИТЭНД/ТАС

К 150-ЛЕТИЮ МАСТЕРА

Все краски Родины на цветных фото начала века

Выставка фотографий Сергея Прокудина-Горского «Россия в цвете» проходит в Музее Москвы.

На фото — задумчивый человек с тросточкой, в шляпе и очках присел на камень. На первом взгляд его можно принять за Антона Павловича Чехова. Он — современник великого писателя и пионер цветной фотографии в России. На дошедшем до наших дней автопортрете — Сергей Прокудин-Горский на берегу реки Скурихи. 1912 год, но трава зеленая, а трость в руках мужчины — жеттая, все цвета естественны так, словно снимок сделан в 80-е или 90-е годы XX века. И это не обман зрения, а результат работы сложным методом цветоделения. Первым его освоил именно Прокудин-Горский, запечатлев для потомков всю красоту и богатство России начала XX века в ее естественных красках. Фотограф, издатель, педагог, химик (к тому же ученик великого Менделеева), общественный деятель — словом, еще один «русский Леонардо да Винчи».

Он принадлежал к одному из старейших дворянских родов России, берущему начало от татарских князей, породнившихся с самими Рюриковичами.

В 1909-1916 годах Прокудин-Горский исколесил Россию вдоль и поперек, чтобы запечатлеть разнообразие ее природы и культуры, многообразие этносов и памятников архитектуры — создать настоящую цветную летопись жизни дореволюционной России. Разрешение на съемку в любых местах и необходимые транспортные средства были предоставлены самим государем: Николай II был очарован уникальными работами Сергея Михайловича. Именно эти снимки составили коллекцию, представленную на выставке в Музее Москвы в год 150-летия фотографа.

Суровые скалы, тянущиеся к небу сосны Карелии. Каменное узорчье Кирилло-Белозерского монастыря. Армянские женщины в национальных костюмах под сенью изумрудной листвы деревьев. Румяные поволжские крестьянки, собравшие к приезду дорогого гостя спелую землянику и чернику — кажется, что фотографии Прокудина-Горского передают не только цвет, но и запах. На выставке можно увидеть, как выглядят места, запечатленные Прокудиным-Горским в наши дни, — фотограф Вячеслав Ратников сделал снимки в 2013 году. Здесь же одна из самых знаменитых работ мастера — фотопортрет Льва Толстого, сделанный в Ясной Поляне в 1908 году.

Талант Прокудина-Горского оценила и новая власть. В марте 1918 года снимки фотографа демонстрировались в Зимнем дворце, со вступительной речью выступил сам нарком просвещения Луначарский. А Ленин велел включить Прокудина-Горского — поистине «архинужного» человека — в состав коллегии Экспедиции по заготовлению государственных бумаг. Но на Гражданская война — работать в России становилось опасно для жизни. В это время Прокудин-Горский находился в командировке в Норвегии, где и решил остаться. Затем были Англия, США, Франция. Последний приют художник нашел на знаменитом «русском погосте» — кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Татьяна КУТАРЕНКОВА

КНИЖНЫЙ РАЗВЛ

Сердечные встречи

В серии книг «Созвучие сердец», вышедшей в Минске, отражено художественное мировоззрение народов стран СНГ.

Проект Издательского дома «Звезда», начало которому положили книги писателей Беларуси и России, вышел за рамки Союзного государства. В 11 сборниках — поэзия и проза народов СНГ. Цель серии — познакомить читателей с лучшими произведениями, созданными в основном в постсоветское время. Составитель книг «Созвучие сердец» — известный белорусский поэт и прозаик, заместитель директора Издательского дома «Звезда», главный редактор журнала «Нёман» Алесь Бадак.

— Мне кажется, что такое творческое начинание должно было родиться именно в Беларуси, — рассказывает Алесь Николаевич. — У нас два государственных языка, благодаря развитию политической и культурной интеграции, наиболее прочные связи с Россией. Поэтому логично было создавать по-

щадку для знакомства с современными национальными литературами на русском языке в Минске. И начинать с литературы России. Отрадно, что реализацию проекта Министерство информации поручило Издательскому дому «Звезда». Именно его сотрудники работают над выпуском в свет литературно-художественных периодических изданий. А в журнале «Нёман» традиционно представляется литература разных стран СНГ. Кроме того, под общей символической идеей — «Художественная литература как путь друг к другу» — «Звезда» и Союз писателей Беларуси вот уже семь лет подряд проводят международные «крутые столы» с участием писателей разных стран. Итогом встреч становятся новые литературные контакты.

«Не ведая границ» — сборник, объединивший писателей Казахстана и Беларуси. Под обложкой «Счастливой встречи» — стихи и проза азербайджанских и белорусских авторов. «Золотая струна» — в книге наряду с писателями Беларуси представлены те, кто сегодня олицетворяет украинскую литературу. Названия других книг тоже

красноречивы — «С думой о Родине», «Светлая даль». — Над книгами нам помогали работать национальные союзы писателей, — продолжает Алесь Бадак. — Из Туркменистана к работе над сборником подключился известный поэт, прозаик, детский писатель Аггальды Алланазаров. В свое время он участвовал в подготовке «туркменского» номера старейшего российского литературно-художественного журнала «Сибирские огни». Эта работа помогла

Книги из серии «Созвучие сердец» выходят при участии Министерства информации Республики Беларусь

собрать переводческий актив, восстановить утерянные связи. Ведь со стороны русских писателей, со времен Николая Тихонова, Арсения Тарковского, Георгия Шенгели, Петра Скосарева, всегда был интерес к литературе Туркменистана. Туркменских поэтов в недавние десятилетия переводили Равиль Бухарев, Юрий Кузнецов. Их авторитет мастеров художественного слова и сегодня незаменим на постсоветском пространстве.

широкого знакомства с национальными литературами в России и на просторах СНГ.

Вторую часть каждой из книг серии «Созвучие сердец» составляют произведения белорусских писателей. Тем самым в Беларуси значительно расширилось пространство для реализации творческих амбиций переводчиков на русский, которым не всегда удается выпустить авторские книги на русском языке. Да и не всегда переводов одного

автора набирается на целый сборник. Иногда для этого нужны десять и более лет. «Созвучие сердец» по-своему подчеркнуло и ориентиры «Нёмана» как журнала, представляющего белорусскую литературу на русском языке. А во-вторых, составляя книги «Созвучия», мы часто обращались к московским коллегам. Тем самым напоминали, что их переводческий труд востребован.

— Будет ли у серии продолжение? — спрашиваю у Алеси Бадака.

— Несомненно! Мне кажется, что давно назрела необходимость издания переводческого альманаха. Почему бы не сделать его на двух языках — русском и белорусском?..

Планы Издательского дома «Звезда» в области представления литератур народов СНГ на русском языке получают в Беларуси серьезную господдержку. Книги из серии «Созвучие сердец» и другие сборники писателей России и других стран Содружества выходят при участии Министерства информации Республики Беларусь.

Сергей ШИЧКО